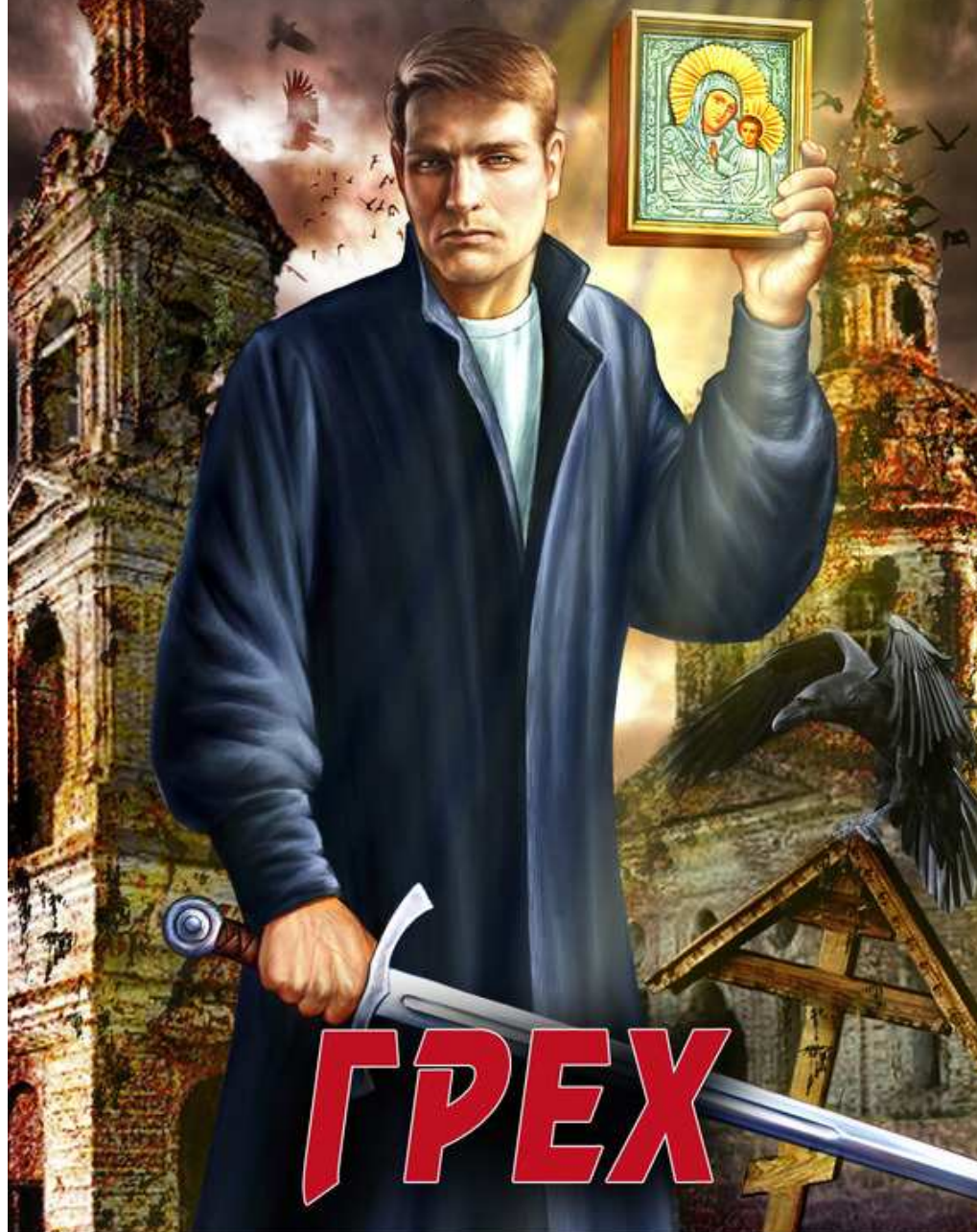

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

Кирилл Казанцев
Грех
Серия «Антикор»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949685
Казанцев К. Грех: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58333-1*

Аннотация

Батюшка Филарет вместе с предпринимателем Шамилем гонят в подземной пещере паленую водку. Случайно об этом узнает отец Мефодий, священник местной церкви. Он требует, чтобы Филарет прекратил преступную деятельность и публично покался. Но вместо раскаяния совершается преступление, и отца Мефодия убивают подручные Шамиля... Генерал Дугин – глава тайной антикоррупционной организации – поручает своему секретному агенту Андрею Ларину разобраться в ситуации. Ларин под видом беженца поступает в монастырь послушником...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кирилл Казанцев

Грех

Глава 1

Пропетляв по кварталам частного сектора, неприметная «Лада-Калина» с забрызганным грязью номером остановилась на городской площади, мощенной булыжником. Водитель, веснушчатый блондин, кивнул кряжистому коротко стриженному качку, сидевшему рядом:

– Он скоро со службы пойдет, через рынок. Минут через пятнадцать.

– Думаешь, прямо на базаре его и тормознуть? – Качок недоверчиво прищурился, разглядывая сквозь запотевшее стекло городской пейзаж.

– Не совсем здесь. Неподалеку – железная дорога, сразу за переездом – его дом. Маршрут мной изучен досконально. Обычно он идет через рыночные ряды, сворачивает налево к пустырю и через гаражи попадает к железнодорожному переезду. – Водитель извлек из кармана сложенный листок бумаги с распечаткой карты, тщательно расправил ладонью, ткнул пальцем в извилистую красную стрелку. – Вот, смотри. Это мы на площади. Это рынок. Это дорога в сторону его дома. Это железнодорожные пути. А вот тут, между гаражами и железной дорогой, в такое время вообще никогда никого не бывает. Проверено...

– А ты что будешь делать?

– Ты иди, а я сразу к гаражам подъеду, только с другой стороны. Ты его на рынке срываешь, незаметно ведешь до железной дороги, а дальше – как и договаривались. Только аккуратно, не проколишь...

– Не учи ученого, – раздраженно отмахнулся коротко стриженный.

– Может, фотографию его дать на всякий случай?

– Ты уже показывал.

– Мог и забыть!

– А у меня зрительная память хорошая.

Сунув схему в карман, коротко стриженный вышел из машины и неторопливо, вразвалочку, двинулся в сторону базара.

День был серый, пасмурный, осенний воздух был насыщен водяной взвесью. Ветер носил горьковатый запах палой листвы. Блестели округлые булыжники, редкие машины резали длинные лужи, как катера. Кривой переулочек вывел качка на площадь, забитую рядами машин. За ними чернел бетонный забор, зияющий воротами с надписью «Центральный рынок», по бокам которых густо белели влажные объявления. Прилавки были плотно утрамбованы стопками джинсов, свитеров и курток, покрытых матовой от сырости полиэтиленовой пленкой. Рядом возвышались металлические столы с навесами, с которых старушки торговали овощами и зеленью.

Зайдя за один из таких столов, качок извлек из кармана схему, вновь бегло ее просмотрел, посмотрел в сторону выхода, за которым желтела небольшая церковь с синими куполами. Затем внимательно взглянул на видеокамеру, висевшую у входа в сберкасса.

Народу было немного – базарный день уже заканчивался. Да и в этом райцентре, расположенном в часе езды от Москвы, покупки было принято совершать с самого утра.

Человек, которого отслеживал качок, появился спустя минут двадцать. Это был молодой человек в старомодном драповом пальто и с аккуратно подстриженной седой бородой. Видимо, в городке его хорошо знали: человек то и дело останавливался, отвечая на приветствия прохожих. Миновав длинный ряд прилавков с осенними фруктами, он разме-

ренным шагом двинулся в глубь базара. Соглядатай, спрятав схему в карман, пошел за ним на небольшом отдалении.

Провинциальный рынок был маленьким – пройдя его насквозь за какие-то десять минут, мужчина с седой бородой неторопливо вышел на пустырь, за которым темнели кооперативные гаражи. Качок, двигаясь чуть поодаль, то и дело останавливался у столбов, делая вид, что читает наклеенные объявления. Людей на пустыре почти не было: молодая мама с детской коляской, двое подростков с пивом, бомж с клеенчатой сумкой...

Тем временем преследуемый свернул за угол, и соглядатай ускорил шаг. Теперь дорога шла вдоль гаражей с пронумерованными металлическими воротами. Дойдя до середины длинного ряда, мужчина в старомодном пальто обернулся и пошел быстрее – видимо, он заметил за собой слежку. Качок тут же спрятался за столбом. Однако жертва явно почуяла неладное. Движения седобородого стали более резкими, шаги – размашистыми. Отыскав узкую щель между гаражами, преследуемый тут же юркнул в нее.

Теперь соглядатаю не было смысла изображать из себя прохожего – и он тотчас же бросился следом. Добежав до щели между гаражами, он попытался было протиснуться между металлическими плоскостями, однако сделать это сразу не удалось: пространство было слишком тесным, а качок – слишком широким. Казалось, до беглеца можно было дотянуться рукой, однако тот уже уходил. Беглец добрался до конца гаражей. Ухватившись ладонью за угол, он вытянул тело и, даже не оборачиваясь, помчался в сторону железнодорожной насыпи, за которой темнели шиферные крыши поселка.

И тут на пустынном шоссе, параллельно железной дороге, появилась неприметная «Лада-Калина» – та самая. Машина ехала прямо навстречу беглецу. Когда до мужчины в старомодном пальто оставалось метров пять, «Лада-Калина» резко затормозила. Дверца раскрылась, и из машины выскочил водитель. Короткий замах, выверенный удар по голове убежавшего, негромкий вскрик...

Подхватив обмякшее тело, блондин тут же сунул его на заднее сиденье, перевернул на живот и, заведя обе руки за спину, защелкнул на запястьях наручники.

Меньше чем через минуту у «Калины» появился запыхавшийся качок.

– Чуть не упустили. – Преследователь нервно вытер вспотевший лоб.

– А почему ты его у гаражей не стукнул, как договаривались? – возмутился водитель.

– Откуда я знал, что там щель? На твоей карте ее не было!

– Ладно, поехали. – Веснушчатый блондин осмотрелся по сторонам. – Нас тут никто не срисовал?

– Тут тебе не центр Москвы. – Качок плюхнулся на переднее сиденье. – Видеокамер нигде не понатыкано. Где с этим уродом говорить будем?

– Там же... Где обычно.

Развернувшись на проселке, «Калина» неторопливо покатила в сторону загородного шоссе, за которым синел густой хвойный лес. Блондин вел машину спокойно, а вот качок нервничал, то и дело оглядывался, оценивая, сколько еще времени похищенный пробудет без сознания.

Спустя полчаса автомобиль уже катил по неширокой лесной дороге. Лес по обе стороны выглядел на редкость хмурым и неприветливым: поваленные стволы деревьев, темные пеньки, подернутые ярко-зеленым мхом, непроходимые заросли орешника.

Под протекторами влажно шуршала трава, хрустел валежник, низкие ветви то и дело царапали крышу. Дорога была извилистой. Она причудливо петляла между оврагами, поросшими густым ельником. Желтоватые контуры двойной колеи едва различались среди пожухлой травы и прошлогодних листьев.

Сумерки в лесу всегда начинаются незаметно. Казалось, еще недавно алые лучи пронизывали кроны, но вот уже полупрозрачный пепельный свет разливается по траве, наплывает между стволами, и на лес неотвратно опускается темнота.

Когда «Калина» свернула с проселка в березняк, в лесу почти стемнело. Однако водитель не включал дальний свет – наверняка боялся привлечь внимание каких-нибудь запоздавших грибников. Остановившись в низине, он выключил двигатель и кивнул спутнику. Меньше чем через минуту тот вытащил из салона пленника, который уже почти пришел в себя.

– Кто мы и откуда – тебе знать необязательно, – угрюмо произнес блондин. – Мы даем тебе выбор. Или ты по доброй воле подробно рассказываешь, что именно ты отправил в Москву. Или все равно рассказываешь, но уже не по доброй воле. А расскажешь ты это полюбому, это я тебе гарантирую.

Пленник взглянул на похитителей осмысленно и немного печально.

– Ох, и жутко же вам, ребята, гореть в геенне огненной!

– Ты нам свои сказки про гиен и гигиен тут не впаривай! – Качок демонстративно сжал огромные кулаки и агрессивно подался вперед. – Мы и без того знаем, что документы те и видеосъемку ты отправил своему бородатому дружку в Москву, который в Северном Измайлове живет. Правильно?

– А раз знаешь, так чего меня спрашиваешь? – на удивление спокойно произнес похищенный.

– Где он все это хранит? Или уже дальше переправил... по назначению? – качок схватил собеседника за подбородок. – Откуда тебе все стало известно? Кто тебе помогал? Сколько там вас вообще?

Мужчина в старомодном пальто опустил голову, демонстрируя, что продолжения беседы не будет.

– Так что – значит, разговаривать с нами не желаешь? – недобро и вкрадчиво поинтересовался спутник качка. – И очень зря. Тут, в лесу, твоего геройства все равно никто не оценит. Да и сам ты сделан не из гранита и мрамора, а из мяса и костей. Когда мясо начинают рвать, а кости ломать, у человека срабатывает инстинкт самосохранения. И ты, поверь мне на слово, не исключение.

Похищенный молчал, глядя куда-то поверх головы блондина.

– Ну что?.. – В руках качка появилась резиновая дубинка полицейского образца. – Сам напросился.

Веснушчатый блондин извлек из кармана огромные плоскогубцы и процедил:

– Мы тебя предупреждали...

* * *

– А во-он в той рощице мы еще не были. – Худощавый подросток поднялся на пенек и заинтересованно взглянул на березняк. – Там уж точно полные корзинки белых наберем...

Магия осеннего леса пленила, ворожила и обволакивала. Утреннее сентябрьское солнце пронзало лесные кроны нежным золотистым светом. За можжевельниковыми зарослями курчавилась пожелтевшая березовая роща, перераставшая в крепкую чашу.

Бабушка с внуком неторопливо шли по лесу, то и дело останавливаясь, разгребая палками пожухлую листву в поисках грибов. Они бродили так уже с час, однако лукошки были почти пустыми: несколько черных груздей и подосиновиков, парочка поздних сыроежек. Видимо, лес основательно подчистили дачники, приезжавшие из Москвы на недавние выходные. А вот для жителей небольшого поселка дальнего Подмоскovie грибная охота была не досужей забавой, но традиционным промыслом, серьезным довеском к скромным

зарплатам. Связки сушеных боровиков продавались на московском шоссе у бензозаправок и придорожных мотелей, бесчисленные банки с маринованными маслятами и опятами прятались в подвалах, а кое-что даже перепадало и столичным заготовителям.

Под подошвами тихо шелестели опавшие листья. Солнце цвета лимона медленно поднималось над полуоблетевшими кронами. Лес постепенно просыпался. Над головами затенькала невидимая в хвое птица. У вечнозеленого можжевельника мелькнули полупрозрачные крылья бабочки-капустницы. В далекой пуще дятел принялся долбить ствол, и мерный стук гулким эхом разносился между деревьями.

По дороге в березовую рощу бабушка с внуком не нашли ни единого гриба – даже поганок с мухоморами почему-то не было.

– Смотри, тут кто-то на машине проехал, – подросток внимательно осмотрел изумрудный мох. – Наверное, и тут эти городские все повыметали!

– Внучок, а я вот что нашла! – Присев на корточки, старушка аккуратно разгребла листья. – Смотри, какой чистенький боровичок!

– Значит, еще должны быть, – сразу же воодушевился парень и, осмотревшись, подался в глубь рощи. – Ба-буш-ка! Смотри, сколько!

За какие-то полчаса оба лукошка были заполнены почти доверху. Но ведь азарт грибника ничуть не меньше, чем у рыбака или охотника, – уж если везет, то хочется, чтобы везло как можно дольше.

То и дело перекладывая тяжелые корзинки из руки в руку, грибники углубились в березовую рощу.

– Смотри, что это? – подросток остановился, щурясь против солнца.

– Где?

– Во-он, за той березой, черное, между деревьев!..

Сделав несколько шагов, старушка и подросток остановились в ужасе. Плетеное лукошко выпало из рук бабушки, и грибы беспорядочно раскатились по мху.

На высоком березовом суку висело человеческое тело. Утренний ветерок ритмично раскачивал висельника – немолодого мужчину в старомодном пальто, с аккуратно подстриженной седой бородой. Страшнее всего было смотреть на лицо покойника: синюшное, с полужакрытыми глазами, с потеками запекшейся крови, оно казалось воплощением ужаса. Даже издали было понятно, что мужчину перед смертью страшно пытали и что повесился он наверняка не по доброй воле.

– Господи... – Бабушка, сделав несколько несмелых шагов назад, ухватила рукой за сосну. – В «Скорую» позвонить надо... Или в полицию.

– А я, кажется, знаю, кто это такой... – Внук дрожащими руками достал из кармана мобильник и, не попадая пальцами в кнопки, принялся набирать номер «Экстренной помощи»...

* * *

Полиция и «труповозка» из морга прибыли в лес минут сорок спустя, почти одновременно. Висельника аккуратно вынули из петли, уложили на жухлую лесную траву.

Никаких особых следов рядом обнаружено не было – не считая следов автомобильных протекторов неподалеку. Однако определить модель машины по этим следам не представлялось возможным: на мху все следы выглядят практически одинаково. Рядом с повешенным не было найдено ни окурков, ни клочков бумаги, ни следов обувных подошв – словом, ничего, что указывало бы на присутствие тут посторонних.

Личность висельника установили сразу же, по найденным при нем документам. Это был Михаил Рождественский, известный также как отец Мефодий, протоиерей местной

церкви Святого Георгия. Что привело его в березовую рощу, находившуюся километрах в шести от города, кто его пытал и каким образом он оказался в петле – все это пока являлось загадкой.

Однако и полиция, и районная прокуратура решили эту загадку довольно быстро. По их версии, отец Мефодий банально свел счеты с жизнью, повесившись без чьей-либо помощи. Ведь в березовой рощице не было найдено абсолютно никаких посторонних следов...

Версия эта, впрочем, не выдерживала никакой критики. Православный священник, самостоятельно набросивший на свою шею петлю, – в подобное отказывались верить даже самые забитые старушки из прихода Святого Георгия. Да и никаких причин, чтобы кончать жизнь самоубийством, у настоятеля церкви не имелось. Он был искренне любим паствой, его уважали в райцентре, у него не было ни конфликтов, ни невыплаченных кредитов, ни проблем с законом, на него не имелось какого-либо компромата, угрожавшего церковной карьере, делать которую он, впрочем, и не стремился. К тому же любимая попадья недавно родила ему третьего ребенка. Психика отца Мефодия отличалась тренированной стабильностью – ведь в прошлой, доцерковной жизни Михаил Рождественский был офицером-подводником. Никаких странностей, наводящих на мысль о временных помутнениях рассудка, за этим человеком никогда не замечалось. А главное – ни прокуратура, ни менты почему-то так и не объяснили возникновения явных следов пыток покойного протоиерея, как и «забыли» упомянуть о следах протекторов неподалеку от страшного места.

Как бы то ни было, но историю со странной смертью приходского священника замяли до неприличия быстро. Отца Мефодия поспешно похоронили на неосвященной земле, без всяких церковных ритуалов – как, впрочем, и положено поступать с самоубийцами. В приход Святого Георгия прислали другого священника, и жизнь в райцентре потекла своим чередом – серо, размеренно и спокойно.

Правда, слухи об очень странной смерти Михаила Рождественского вскорости дошли и до Москвы, и притом не только до высоких церковных кругов...

* * *

Андрей Ларин припарковал неброский фургончик с надписью «Мосгаз» в одном из дворов Северного Измайлова, заглушил двигатель и опустил стекло водительской дверцы.

Осенняя ночь выдалась на редкость спокойной. Пахло мокрыми тополями, хлесткий влажный ветер гонял по грязному асфальту пластиковые пакеты и обрывки газет. Желтые пятна редких фонарей, сизая мгла, черные полосы неровных теней... И ни единого человека поблизости.

Андрей извлек из чехла прибор ночного видения, включил, настроил, навел на темные окна последнего этажа панельного дома, возвышавшегося напротив. За полупрозрачными гардинами не угадывалось никаких признаков жизни. Однако это не означало, что квартира была пустой. Ларин подошел к таксофону, набрал номер домашнего телефона и, выслушав с десяток коротких гудков, опустил трубку на рычажок. Походило на то, что за окнами с полупрозрачными гардинами действительно никого не было. Ведь, как наверняка знал Андрей, хозяин никогда не отключал домашний телефон.

Ларин подхватил чемоданчик и вышел из машины.

Задача, поставленная перед ним, была явно не из простых: отследить, когда в квартире не будет жильцов, и незаметно туда проникнуть. Затем аккуратно вскрыть сейф, сфотографировать все документы и переписать на нетбук все DVD-диски, которые там хранились, после чего все разложить по местам, сейф закрыть, а квартиру покинуть – и притом так, чтобы никто даже не заметил визита незваного гостя. По всем прикидкам, хозяева не должны

были появиться внезапно – Андрей уже установил, что сегодня они собрались к родственникам в Серпухов.

И без того непростая задача усложнялась наличием в подъезде камеры слежения. К тому же на квартирной двери был установлен видеоглазок с постоянной фиксацией всех выходящих из лифта.

Проходя мимо ряда припаркованных машин, Андрей взглянул на свое отражение в боковом зеркальце: в меру поношенный комбинезон с эмблемой «Мосгаза», пластиковая каска, накладные усы... Однако, поразмыслив, он все-таки решил не идти в квартиру через подъезд – мало ли какие потом могут выплыть непредвиденные ситуации с этими видеокамерами?! Существует немало компьютерных программ, позволяющих составить подробный фоторобот даже с очень посредственной видеокартинки. Ведь это только береженого Бог бережет, а человек его статуса должен позаботиться о своей безопасности самостоятельно. Тем более что в соседнем подъезде видеокамера, как наверняка знал Андрей, не работала уже несколько дней.

Он зашел в лифт соседнего подъезда, нажал верхнюю кнопку и по металлической лесенке поднялся к дверце, ведущей на технический этаж. Замок не стал серьезной преградой: несколько поворотов отмычки – и дверца отошла в сторону. Пройдя с десятков метров, Андрей безошибочно отыскал нужное окно, открыл его и выглянул наружу.

Осеннее небо над Москвой было подкрашено по краям неровным желтым заревом. Мелкие звезды сливались с огнями электричества, и от этого зрелища на душе делалось тоскливо и тревожно. Двор по-прежнему оставался пустынным. Где-то вдалеке взывала и тут же стихла автомобильная сигнализация, да из соседнего двора то и дело доносились пьяные крики и хохот – там отдыхали местные гопники.

Ларин извлек из чемоданчика скрученный альпинистский шнур, разматал бут, пристегнул карабин к железной скобе на бетонной балке. Несколько раз дернул шнур на себя, проверяя на прочность, и, убедившись, что все в порядке, бросил конец в раскрытое окно.

– Ну, с Богом! – напутствовал он сам себя и осторожно полез наружу.

Шнур резал ладони, ноги проваливались в зияющую пустоту, ветер раскачивал его тело, как маятник. К счастью, спуск занял чуть больше минуты – ведь нужная Андрею квартира была сразу под ним. Ловко спрыгнув на балкон, Ларин извлек из кармана складной нож с узким и тонким лезвием. Приподнялся на наружный подоконник, натянул нитяные перчатки, не оставляющие отпечатков пальцев, ловко просунул лезвие в щель между форточкой и рамой, поддел засовчик, потянул его вверх. Спустя несколько минут он через форточку проник в гостиную. Включил фонарик и осмотрелся.

Квартира, судя по всему, принадлежала какому-то православному священнику. На это указывал и солидный киот в углу, и богатая библиотека церковной литературы, и фотографии хозяев: еще нестарого бородатого мужчины в серой рясе и полной женщины в платке. Андрей выглянул в коридор. В доме действительно было пусто. Стараясь не шуметь, Ларин принялся обследовать квартиру в поисках сейфа. Овальное пятно фонаря скользило по стенам, и в его свете плясали пылинки.

Сейф он обнаружил в спальне. К его удивлению, металлический ящик был вскрыт, притом самым варварским способом: при помощи портативного газового резака. Грабители просто вырезали овал вокруг замка, протолкнули его вовнутрь и открыли дверцу. Вещи в спальне были разбросаны. Под ногами белели перья из разодранной подушки, на кровати валялись ворохи каких-то бумаг с печатями Московского патриархата, порванные фотографии и несколько нательных крестиков.

Андрей тут же сунул руку в карман комбинезона. В ладонь легла рифленая рукоятка пистолета. Несколько минут он простоял, вслушиваясь в звуки ночной квартиры: едва различимое тиканье ходиков, почти неслышный шелест воды в трубах, ленивое урчанье холодиль-

ника на кухне... Тягуче шли минуты, и, если бы не все эти звуки, можно было бы подумать, что время остановилось навсегда. Внезапно сбоку послышался унылый скрип – незванный гость резко обернулся на звук, но тут же выдохнул; сквозняк из зала распахнул незакрытую фрамугу. В спальне сразу же потянуло холодком.

Удерживая пистолет в вытянутой руке, Ларин вышел в коридор и двинулся на кухню.

У холодильника, в луже растекшейся крови, лежала женщина – та самая, что и на фотографии в гостиной. Рука ее была неестественно вывернута назад, на шее темнела глубокая рана – то ли от бритвы, то ли от кинжала. Ларин осторожно дотронулся до руки покойной – она была еще теплой.

За свою жизнь Андрей видел немало крови, немало трупов. Однако вид беззащитной пожилой женщины, безжалостно зарезанной в собственном доме, заставил содрогнуться даже его.

И тут из-за спины Ларина донесся едва различимый стон. Андрей резко развернулся на девяносто градусов и тут же опустил пистолет. Стон, несомненно, доносился из-за неплотно прикрытой двери ванной комнаты...

В ванной, до краев наполненной розовой от крови водой, лежал бородатый мужчина – безусловно, хозяин квартиры. На его лицо, распухшее от побоев, было страшно смотреть: разорванная губа, разбитая до кости скула, клочья волос, выдранные кое-где до самых корней, подожженная борода... На шее темнела огромная резаная рана.

– Ничего вы не получите... – чуть слышно хрипел умирающий. – И вам, и ему по заслугам за всю вашу бесовщину воздастся!..

Прошептав еще что-то, священник замолчал. В его горле что-то булькнуло, по телу пробежала предсмертная судорога, и он затих.

Ларин понял: из этой квартиры надо срочно уходить. Ведь обнаружь его правоохранители рядом с двумя зверски убитыми хозяевами – и ни один российский суд не поверит в его невиновность! Да и нужных бумаг, судя по всему, ему уже не сыскать. Видимо, его опередили на какой-то час...

Подъем занял чуть больше времени, чем спуск. Андрей быстро сматал шнур, закрыл окно и, покинув технический этаж, закрыл за собой дверь отмычкой. Спустя минут десять неприметный фургон неспешно выезжал со двора.

Покружив по Северному Измайлово, Ларин вырулил на Сиреневый бульвар. Он вел микроавтобус аккуратно, стараясь не выбиваться из общего автомобильного потока. Свернул в переулок от Щелковского шоссе, остановился, отслеживая через заднее зеркальце возможных преследователей, и, убедившись в отсутствии слежки, выехал из переулка к мрачному промышленному сооружению, огороженному бесконечным бетонным забором. Металлическая створка, ведомая электромотором, плавно отошла в сторону и тут же закрылась за въехавшей машиной. Меньше чем через минуту из ворот, расположенных на противоположной стороне, тяжело выкатил банковский броневичок канареечного цвета и в сопровождении джипа охраны покати́л в сторону центра.

Андрей Ларин, сидевший в чреве банковской машины, сосредоточенно пил из термоса крепкий чай, скупно рассказывая об увиденном в квартире немолодому мужчине с крупным мясистым лицом.

– Значит, они нас опередили... – задумчиво произнес тот. – Видимо, мы все-таки недооценили противника. Эти скоты оказались хитрей, проворней и изворотливей нас.

– Кто же именно нас опередил, Павел Игнатьевич? – осторожно поинтересовался Ларин. – О каких именно скотах идет речь? И вообще: что это за странное дело с повешенным священником и перерезанными глотками... и почему тут замешано так много попов?

– Все на месте, – прищурившись, напряженно проговорил Павел Игнатьевич Дугин. – Тут так сразу и не объяснишь...

Глава 2

В районе Садового кольца есть немало зданий, истинные владельцы которых не известны ни БТИ, ни местной полиции, ни даже всезнающему Госкомимуществу. Одно из таких строений как раз и располагалось во дворах улицы Земляной Вал, неподалеку от Курского вокзала. Внешне оно выглядело заурядно: обычный доходный дом конца девятнадцатого века. Ничто не указывало на какой-то особый статус – ни пуленепробиваемых окон, ни навороченной сигнализации, ни роскошных лимузинов у входа. Разве что видеокамер наружного наблюдения было чуть больше, чем на соседних домах, однако на такие мелочи никто давно уже не обращает внимания.

Скромная табличка у входа свидетельствовала, что в здании расположен офис компании с труднопроизносимым названием «Госстройдокументация». Однако даже в ночное время на верхнем этаже дома иногда горел свет, но чем там занимались, никто понятия не имел.

И лишь несколько десятков человек в Москве знали, что в неприметном с виду здании на Земляном Валу располагался один из офисов мощнейшей и отлично законспирированной тайной структуры Российской Федерации. Возглавлял ее Павел Игнатьевич Дугин. В отличие от большинства подобных организаций, эта структура не ставила перед собой целью свержение действующего режима с последующим силовым захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом исключительно неконституционными методами.

Костяк тайной структуры в основном составили те честные офицеры-силовики, которые еще не забыли о старомодных понятиях «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Однако одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на трассе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни и среда обитания...

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в Главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор – это не обязательно одеяла на окнах, зашитая в подкладку шифровка, подписи кровью на пергаменте и пистолет, замаскированный под авторучку. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально. Та же «внутренняя безопасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, продажность судов и, самое главное, – низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы более радикальные, вплоть до физического уничтожения крупных коррупционеров. Точечные удары вызывали у продажных чиновников естественный страх, количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что эти смерти далеко не случайны. Слухи о некой тайной организации, этаким «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и притом не только в Москве, но далеко за ее пределами. Кор-

пус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, наверняка знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго – так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Андрею Ларину, бывшему нарофоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему из нее не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль такого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего наро-фоминского опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного и профессионального опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. А природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. Несомненно, все эти качества Ларину предстояло продемонстрировать в самом ближайшем будущем. Однако что за дело ему предстоит расследовать, почему в нем оказалось замешано так много православных священников – оставалось только догадываться...

...Скрывшись за металлическими воротами, бронированный банковский фургон нырнул в подземный гараж. Меньше чем через минуту Андрей и Павел Игнатьевич поднялись в лифте на последний этаж, в небольшой уютный офис.

– Устраивайся, немного отдохнем – и сразу к делу. – Дугин включил торшер, подумав, подошел к бару у окна. – Может, выпьешь немного?

– Тут или выпивать, и немало, или сразу к делу, – скупно улыбнулся Андрей, плюхаясь в кожаное кресло перед журнальным столиком.

– Думаю, что после всего увиденного в квартире тебе все же необходимо снять стресс, – хозяин офиса взял с полки бутылку водки. – Тем более я угощаю.

– Тогда уж не забудьте угостить меня и морковным соком, – напомнил Ларин. – Как я и люблю.

– Никак не могу понять, почему водку надо запивать таким варварским способом. – Дугин отыскал в холодильнике пакет ядовито-оранжевого цвета, поставил перед гостем.

– Для поддержания кислотно-щелочного баланса в организме. А вообще, считайте это моим маленьким недостатком. Я ведь принципиально не курю, не колюсь наркотиками, не волочусь за замужними женщинами, не играю в казино, не коллекционирую всякую дребедень. Имею я право хоть на что-то, за что меня можно осудить?

– Имеешь, имеешь... – согласился Дугин, налил себе красного сухого вина, уселся в кресле напротив. – А теперь – к делу. Андрей, скажи честно: ты вот в Бога веришь?

Вопрос этот мог бы привести в замешательство кого угодно, но только не Ларина.

– Верю, но считаю этот вопрос слишком интимным, а потому совершенно неуместным для публичной дискуссии, – спокойно парировал он. – Согласно нашей Конституции, и верующие, и атеисты Российской Федерации наделены абсолютно равными правами.

– А как же духовность? – подначил собеседник.

– В нашей стране есть люди, которые распинаются про духовность и веру в Бога вполне профессионально. Этих людей почти ежедневно можно видеть по «ящику». Красивые такие, с надушенными бородами, в гламурных рясах «от-кутю», сплошь на «Мерседесах», «Майбахах» и «Лексусах».

– Красивые-то красивые, но ведут себя не совсем красиво. Андрей, не мне рассказывать, чем занимаются некоторые высокопоставленные иерархи Русской Православной

Церкви. Про табачный и водочный бизнес. Про торговлю нефтью, цветными металлами и банковскую деятельность. Про банкетный зал в храме Христа Спасителя и автомойку под ним. О «прейскурантах на оказание ритуальных услуг», висящих во многих храмах, ты знаешь и без меня. Равно как и о взятках, которые священники платят кому надо за получение мест иереев и протоиереев в особо доходных подмосковных приходах. К вере в Бога это имеет точно такое же отношение, как производство велосипедов – к сочинению симфонической музыки. То есть на велосипеде, в принципе, можно доехать до филармонии, но на качестве исполняемой музыки это никак не отразится.

– А что, собственно, противозаконного в этом бизнесе? – спросил Ларин. – Церковь – такой же субъект хозяйственной деятельности, как и какой-нибудь вентиляторный завод. Даже у свечного заводика должен быть и расчетный счет в банке, и добротная бухгалтерия, чтобы деньги правильно подсчитать.

– Все верно. Но там, где крутятся большие деньги, рано или поздно появляется большой криминал. По крайней мере, у нас в России. И вообще: если государство превращается в мафию, то все ее институты, даже включая те, которые отвечают за мораль населения, автоматически становятся подразделением этой самой мафии. Рыба гниет с головы, Россия – с Кремля, а Церковь – с самых высокопоставленных иерархов, – засвидетельствовал Дугин и, выразительно помолчав, продолжил с подчеркнуто деловыми интонациями: – Ладно, а теперь непосредственно к нашему вопросу. Тут, недалеко от Москвы, есть один симпатичный райцентр. Три фабрики, один завод, четырнадцать школ, пять кладбищ и один Дом культуры. Главная же его достопримечательность – древний монастырский комплекс, помнящий еще Бориса Годунова.

Ларин наморщил лоб.

– Был там когда-то, – прищурился он. – Этакая пряничная Московская Русь: маковки, малиновый звон, благодать Божья... Свято-Покровский монастырь, если не ошибаюсь. Правда, я «нарышкинское барокко» не сильно люблю, мне больше по душе архитектура восемнадцатого столетия. Но в монастыре главное в другом заключается.

– Благодатью там и не пахнет. – Павел Игнатьевич неторопливо достал из-под журнального стола кейс, щелкнул золочеными замочками и раскрыл объемную папку.

На столешницу легла пачка фотографий, на которых был изображен один и тот же человек, только в разные периоды жизни. Сдобный юноша с ранними залысинами и комсомольским значком на лацкане кургузого пиджачка, средней упитанности монах с постным лицом, пузатый архимандрит с дивной красоты бородой, неуловимо напоминающий боярина из оперы «Хованщина»...

Павел Игнатьевич неторопливо комментировал:

– Это и есть настоятель того самого Свято-Покровского монастыря – архимандрит Филарет, в миру – Павел Афанасьевич Голобородов. Человек весьма любопытной биографии. Бывший освобожденный комсомольский секретарь колбасного завода. В самом начале лихих девяностых, когда ему было двадцать пять, оставил комсомольскую карьеру и неожиданно для многих принял монашеский постриг. В двадцать семь стал штатным священником небольшого подмосковного прихода. В двадцать восемь назначен настоятелем того же монастыря, в тридцать – его игуменом. В тридцать два получил место в одном из престижных монастырей в Москве в пределах МКАДа, подозреваю, что за взятку. В сорок стал архимандритом, настоятелем этого самого монастыря. Вполне успешная церковная карьера. Но есть одно «но». Полгода назад этот монастырь получил в собственность довольно большое предприятие, принадлежавшее когда-то еще советскому Министерству пищевой и легкой промышленности, к тому времени полностью развалившееся. В предприятие архимандрит Филарет вбухал огромные деньги, и оно как-то сразу же заработало. Охраняется оно